Меня зовут Висенна Хильдегард

Posted originally on the Archive of Our Own at http://archiveofourown.org/works/44635924.

Rating:	Teen And Up Audiences
Archive Warning:	Creator Chose Not To Use Archive Warnings
Category:	Gen
Fandoms:	Wiedźmin | The Witcher - All Media Types, Gwent: The Witcher Card Game (Video Game), Wiedźmin | The Witcher Series - Andrzej Sapkowski
Relationship:	Gezras of Leyda & Visenna
Characters:	Gezras of Leyda, Visenna (The Witcher)
Additional Tags:	Pre-Canon, Canon-Typical Violence, Dyn Marv Caravan (The Witcher), Elves, References to Drugs, Minor Character Death, Traditions, Elf/Human Relationship(s), Elf Culture & Customs, Crimes & Criminals, Assassination Plot(s), Sorceresses, Social Experiments, Druids, Emotional Manipulation, Emotional Hurt/Comfort, Emotional Roller Coaster, Gezras is fucking genius but his thoughts are weird, Witchers
Language:	Русский
Collections:	Зимний внеконкурс 2023, WTF The Witcher In The Shadows: G-T texts
Stats:	Published: 2023-01-29 Words: 8,108 Chapters: 1/1

Меня зовут Висенна Хильдегард

by WTF The Witcher In The Shadows 2023 (witcher_shadows)

Summary

Она пахнет яблоневым цветом, излучает мягкое жемчужное сияние, поднимает трупы некромантией и может врезать тебе кастетом.
Ему недавно сделали предложение, от которого нельзя отказаться, а его любимая девушка мертва.
Она ненавидит чародеек, расизм и войну.
Он расист, каких поискать, но вынужден работать на тех, кого ненавидит.
Увидев полуэльфа Гезраса, которому её заказали, Висенна с первого взгляда понимает, что они могут помочь друг другу.

Notes

See the end of the work for notes

Что ни говори, фигурой он был приметной. Высоченный, с неровно отрезанными ножом огненно-рыжими волосами, тощий, как вешалка для шляп, и весь будто бы состоящий из углов. Углы были у него всюду – высокие эльфские скулы, острые плечи, пальцы такие длинные, что казалось, суставов в них больше, чем нужно. Он пытался прятать углы под одеждой – если Гезрас из Лейды оказывался в бане или чьей-то постели, то становилось понятно, насколько же этих углов много, насколько он болезненно худ. Рёбра, торчащие мослами тазовые кости; ключицы и локти, выпирающие, слегка розовые и покрытые тоненькими рыжими волосками коленки. Все эти углы соединялись друг с другом шарнирами суставов, как у деревянной марионетки в уличном цирке.

Собственно, сейчас, в хмурый декабрьский день, Гезрас из Лейды сидел под коньком крыши склада на улице Цинтры, смотрел кукольное представление и думал о марионетках. Ему отчаянно хотелось верить, что хитроумная игра, в которой dh’oine считают его марионеткой, всё ещё под его контролем. Мозг, всё время подогреваемый фисштеховой трясучкой, подмечал детали, слова, оттенки эмоций. Он старался быть в курсе, отделять зёрна от плевел, информацию от дезинформации, а врагов от врагов, которые заплатят больше за ту же работу.

Где-то полгода назад, в одну из бессонных ночей, когда чувства цвели внутри удушливой волной, как алые южные цветы, а мысли вспышками молний проносились в разуме, он читал книгу. Гезрас не помнил, как она называлась, но автор рекомендовал никогда не основывать стратегию на комбинациях из более, чем трёх шагов. Итак, названия книги он не помнил, зато очень хорошо помнил, как тогда расхохотался. Тот, кто пытался продумывать что-то более, чем на три шага, на самом деле никогда и не играл в игры. Тот, кто думал, что возможно продумать что-то более, чем на три шага вперёд, играл только сам с собой – занимался своего рода онанизмом, если угодно. В реальной жизни существовало столько людей, столько переменных и событий, нужно было держать в голове столько всякой всячины, что Гезрасу едва удавалось продумать вперёд на три шага. Впрочем, чаще не удавалось – и он учился импровизировать на ходу, скакал, как белка в огненном колесе, которое катилось по тоненькому канату под куполом цирка, перепрыгивал с одного каната на другой, проскальзывал в захлопывающиеся двери и иногда совершал безумный прыжок веры над ямой с крокодилами.

Всё это время ему хотелось верить, что в то время, как dh’oine дёргают за ниточки, он, Гезрас из Лейды, к другому концу ниточки не привязан, а держит её в руке. Когда выпадал подходящий момент, он дёргал за свой конец ниточки, и dh’oine, потеряв равновесие, падал, а он резал горло. Самым сложным было выбрать момент. Тот момент, когда марионетку – то есть, его самого, – пытаются убрать из спектакля. Тот момент, когда труппа уходит на антракт. Тот момент, когда его пытаются перекупить, передать из рук в руки. Никто не удивится, если новый хозяин не справится с управлением. Никто не удивится, если старый хозяин, передав марионетку, куда-то исчезнет. Возможно, он отыграл свою роль и потягивает сейчас виски у своего камина.

А возможно, лежит у этого камина с пробитой головой.

Представление должно продолжаться в любом случае.

То, что показывали на цинтрийской улице, подходило к концу. Мелкий липкий дождь, который ветром несло со стороны моря, падал в наполовину растаявшие сугробы. Наверху, под крышей, холод был особенно мерзкий. Гезрас вздрогнул под своим плащом с капюшоном и посмотрел на двери бухгалтерской конторы, примостившейся здесь, меж складов.

Когда, наконец, оттуда вышла молодая женщина в тёмно-зелёном плаще, Гезрас думал, что окоченеет. Он двинулся за ней по крышам, будто тень. Маршрут её был известен. Женщина ещё не знала, что как раз в середине дороги по пути в портовое отделение банка встал целый поезд подвод с повисской двимеритовой рудой. На днищах подвод ещё с утра были заложены бомбы. В таком деле нужно было действовать наверняка.

Первое впечатление, которое производила женщина, было совершенно обманчивым. В то время, как Гезрас весь состоял из углов, она вся состояла из маленьких уютных округлостей. Круглые бёдра, румяные круглые щёчки с ямочками, покатые плечи, волосы тоже рыжие, но не жёсткие, как у него, а вьющиеся мягкими волнами. Вся она будто бы излучала благостность и жемчужное сияние, всегда спокойно и уверенно улыбалась, и каждое её движение было пронизано мягкостью и деловитостью.

Можно было подумать, что она счастливая мать и жена какого-нибудь купца и развлекается тем, что печёт сдобные булочки.

Думать так о друидке круга Майенны, талантливейшем алхимике и, по слухам, некроманте, совершенно не стоило.

Гезрас спрыгнул вниз, с кошачьей грацией спустился по деревянным галереям в переулок. Никто не заметил его – ещё одного прохожего на заполненной dh’oine улице. Мягкая, состоящая из округлостей друидка была в паре метров от него, и двигалась прямо к возам, у которых так некстати сломались все колёса одновременно. В неразберихе она потеряет ориентацию – а главное, свои силы. Тогда-то её и настигнет Гезрас и тонкий нож, который должен войти между рёбер.

Нельзя было сказать, что ему было плевать, что при этом на улице погибнет масса совершенно непричастного народу. Эта мысль доставляла ему удовольствие.

Вдруг она развернулась и пошла прямо на него.

– Меня зовут Висенна Хильдегард, – сказала женщина, – впрочем, ты в курсе, а времени в обрез.

Гезрас не растерялся. Дело в том, что весь он, как уже говорилось, состоял из углов – будто механизм. Движения его рук невозможно было уловить глазом – вокруг Висенны возникло облачко чёрно-серебристой пыли, из-за которого она чихнула, а сам он скользнул вперёд, казалось бы, просто прикоснувшись к её боку, отодвинув плечом, как поступил бы в толпе какой-нибудь хам или попросту невнимательный прохожий. Ситуация абсолютно обыкновенная. Люди даже не успели бы сообразить, почему

женщина упала, а когда сообразили бы – на них на всех уже летели бы разбросанные серией взрывов тяжёлые двимеритовые булыжники.

Только вот в тот момент, когда нож должен был аккуратно пройти между рёбер и очень точным движением войти в сердце, руку его свело судорогой, и он просто чиркнул ножом по её плащу. В следующую секунду в висок ему метко впечатался кастет.

– Зараза, – отчаянно чихая и шмыгая носом, сказала Висенна, – ух. Ух! Ух, зараза. Так вот, милый, ты не мог бы затушить трут?

В этот раз Гезрас всё же растерялся и уставился на неё. Из её глаз текли слёзы, и от этого выражение лица получалось странным – одновременно очень жалобным и грозным, как у матери, которую очень расстроил дорогой сын.

– Ну быстрее ты, ну? – она толкнула его в плечо и оглушительно чихнула, – Великая Дева, надо ж было додуматься.

Позже Гезрас не смог себе объяснить, почему побежал к подводе и затушил искрящий трут. Возможно, это было Предназначение – впрочем, в Предназначение он не верил. Скорее всего, это было интуицией – в интуицию Гезрас из Лейды не просто верил, ею он жил, ориентируясь на впечатанные в подсознание предчувствия, как слепой ориентируется на звук. Чародеи, усилившие его эмоции в ходе ведьмачьих мутаций, думали, что создали неконтролируемого безумца – и всё тут. На самом деле они создали того, чьи чувства были острее бритвы. Там, где даже ускоренный стимуляторами мозг не успевал подумать, можно было сначала почувствовать.

В любом случае, чародеи тогда создали настоящее чудовище.

– Спасибо, – маленькая мягкая рука похлопала его по предплечью. Он обернулся. Висенна была ростом ему по грудь и двимеритовая пыль осела у неё на носу и щеках, как зола у трубочиста. Остальная пыль рассыпалась по зелёному плащу, – я считаю, что Кларсхольм, старый сифилитик, пытается выслужиться перед Бан Ардом, и получает извращённое удовольствие, натравливая бывшего адъютанта Аэлирэнн на бабу, которая уговорила в своё время чародея присоединиться к вам.

– Рассела? – Гезрас сощурил глаза, – ты? Ты просто играешь сейчас.

Она пожала плечами и лучезарно улыбнулась.

– И выигрываю. Трут-то ты затушил.

Он посмотрел ещё раз на подводу, из которой рабочие, как ни в чём не бывало, выгружали руду на телеги поменьше. Работы был непочатый край.

– Пойдём выпьем чаю, погодка ни к чёрту, – сказала Висенна, запахивая покрепче плащ, и по-детски вытерла двимеритовую сажу с носа, — сейчас бы в Нильфгаард, там как раз апельсины созрели.

Тик-ток, тик-ток, тик-ток.

Небольшой латунный маятник ходил в больших, украшенных затейливой резьбой настенных часах. Мерный звук казался слишком громким, как и треск дров в примостившейся в углу глазированной печурке.

Гезрас ёрзал на мягком нежно-розовом диванчике, будто бы его кусали муравьи. Во всей этой комнате на втором этаже лавки местной лекарки не было, наверное, и пары футов свободного места. Всё пространство занимала дорогая, обитая мягкой тканью мебель с гнутыми ножками. На столиках громоздились вазы, книги и котелки, чашки из-под испитого чая и какие-то хитроумные приборы, недоеденные булки рядом с алхимическими ингредиентами.

Тик-ток, тик-ток, тик-ток.

Висенна удивительно вписывалась в интерьер гостиной, принадлежавшей подруге, у которой она остановилась на эту неделю в Цинтре. Сейчас она занималась тем, что разливала по чашечкам вскипевший на жаровенке крепкий чай и выкладывала на простую глиняную тарелку горку пахнущего миналём печенья.
– Угощайся, – сказала Висенна, – терпеть не могу, когда гости сидят голодные.

Гезрас не шелохнулся, только глаза стрельнули сначала на неё, потом на печенье и снова на неё.

– Особенно когда ты человеческий чародей, а гость – изуродованный чародеями полуэльф-ведьмак, промышляющий наёмными убийствами?

Висенна закатила глаза и улыбнулась.

– И любовник Аэлирэнн, фактически подписавшей эльфам приговор своим восстанием. Но я знаю, что вы с ней не хотели зла. Точнее, зла вы как раз хотели. Но преимущественно самим себе. И dh’oine, конечно.

– Приговор подписывали не мы, – прошипел Гезрас.

– Знаю. И именно в этот момент к вам присоединился мой хороший друг, друид Рассел. Когда эльфские старейшины выкинули вас в лапы объединённой армии Северных Королевств, он не смог на это смотреть. Поэтому думаю, мы с тобой пропустим драматичные страдания о том, что все чародеи одинаковы и вся магия – чистое зло.

– Это ещё почему?

Висенна улыбнулась и отпила чай из маленькой чашечки.

– Потому что это скучно, Гезрас. А ты не любишь, когда скучно. Давай-давай. Ешь печеньки. Вот так.

В качестве демонстрации, она взяла одну их них с тарелки, разломила пополам и отправила в рот. Гезрас взял вторую половинку, понюхал и откусил краешек. Пахло восхитительно – на вкус было ещё лучше.

– Там какие-то с цианидом, а какие-то нет, – сказала она максимально непринуждённо, – они, в общем, перемешались, гостям не предложишь, а тебе в самый раз.

Он усмехнулся и отпил чаю.

– Ведьмаков берёт цианид.

– Я знаю.

– Чародеек тоже.

Висенна пожала плечами и съела ещё печеньку. Он покачал головой.

– Хорошо, я согласен, что Юджин Кларсхольм старый сифилитик, выслуживается перед Бан Ардом и наслаждается всем, чем, как ты сказала, он наслаждается. Он предложил мне тысячу крон за твою голову и я согласился. Что предложишь мне ты?

– Чаю, – просто ответила она, – и подумать.

____

– Что это для тебя означает? – спросил Гезрас.

– Что именно? – Висенна умильно склонила голову набок и улыбнулась.

– То, что тебе триста с лишним нет.

Она улыбнулась опять. Они ехали на лошадях через подмороженный за ночь лесок, и копыта лошадей ещё не успели нагреть дорогу своим теплом, поэтому земля под ними ещё была твёрдой и не чавкала. Дождь тоже не шёл, а зелёные ёлки и ковры из мха тут и там, меж кустов пожухлой серой травы, даже выглядели весёленькими. Снега до сих пор не было – здесь, в Цинтре, на самой границе с Нильфгаардом, зима так и тянулась, почти без снега, зато с вечными проливными дождями и чвякающей грязью.

Когда Висенна по пунктам объяснила ему, почему чародейская аристократия – это ночной кошмар, который в конце концов пустит под откос всё прекрасное, что должно быть в Северных Королевствах и в мире, и какая важная роль в этом всём у Нейтрального Регулирующего Фактора (да, конечно, она тоже читала эти книги), он был удивлён.
Когда она, пахнущая яблоневым цветом и попивающая чаёк из фарфоровой чашечки, изъявила желание (нет, Гезрас, необходимость!) ехать с ним, Гезрас позволил себе ухмыльнуться.

Как оказалось, за триста лет можно было выучиться массе вещей в совершенстве. Например, к отсутствию комфорта Висенна относилась абсолютно бестрепетно. Если бы Гезрас был честен сам с собой, то признал бы, что это вызывает в нём восхищение – чувство противоположное тому, что он испытывал, глядя на изнеженных, развращённых гедонизмом чародеев.

– Знаешь, когда тебе переваливает за пятьдесят, то начинаешь считать время десятилетиями, – сказала Висенна, подумав, – ну, не помнишь отдельные годы, а думаешь что-то вроде “вот мне было тридцать с чем-то” или “я был тогда подростком”. Так вот, потом, ещё лет сто спустя, начинаешь воспринимать жизнь большими историческими событиями. Вроде как “вот тогда правил король Видука”, или “было большое восстание на Юге и ни у кого не было денег”. И точно так же иногда не можешь вспомнить, что за чем шло. А в триста…в триста ты просто перестаёшь особенно думать о времени. Может, только иногда задумаешься – а что оно такое?

Гезрас встречал чародеек и раньше – в том числе, и действительно старых, – и всегда просто диву давался, как можно так посредственно проживать собственную жизнь. Совсем глупых было немного – в том мире, где жил Гезрас, и где велись политические игры, продолжительность жизни была пропорциональна уровню твоего интеллекта. Нет, это было не то слово. То качество, что позволяло просчитывать наперёд, скакать через горящие кольца и уворачиваться от летящего в тебя метафорического ножа, не было антонимом глупости. Не было оно и интеллектом. Те люди, что выживали, просто умели думать быстро.

Каждая чародейка сначала была прилежной ученицей, затем проходила через омерзительную фазу опьянения богатством, властью и собственной красотой, и стремилась что-то доказать своим наставникам. За этим следовало кратковременное разочарование – вызванное чаще всего тем, что всем было абсолютно насрать и на эти доказательства в частности, и на новоиспечённую чародейку в целом. Далее чародейка лезла в политику – в уверенности, что теперь-то знает, как правильно. Таким образом она зарабатывала две вещи – осознание, что люди неисправимы, и мигрень. Совсем уж не зная, куда себя деть, разочарованная в жизни леди металась между разнузданным гедонизмом, всё более и более извращённым сексом, попытками учительства и скачками от одного королевского двора к другому с периодичностью лет в двадцать, для смены обстановки.

Чародеи, в целом, повторяли этот путь – разве что они чаще добавляли в список мудрёные научные изыскания, результатом одного из которых, волею судьбы, и являлся Гезрас.

Великой его страстью было их убивать. От этого Гезрас получал удовольствие, сравнимое с оргазмом под фисштеховым приходом. Он и взял-то заказ Кларсхольма потому, что в нём были слова “убить чародейку”.

Иногда он задумывался, что неспособность думать быстро могла быть общей для человеческой расы. Та скорость, с которой думали старые эльфы, увиденные в Синих Горах, приводила Гезраса в трепет. Они знали всё, потому что они видели всё. Они были тем, чем следовало быть мыслящему существу. Верхом развития. Высшей Расой.

“Они просто как дрессированные собаки, – грустно сказала Висенна, – или как шарманка. У них уже всё записано, то, как нужно подумать и как нужно поступить в этой ситуации. Потому что за пару сотен лет успеешь насмотреться разного. Но они не думают, Гезрас. В этом и беда.”

В этот момент он попытался её убить. Никто не смел так говорить о Высшей Расе – особенно проклятая круглоухая чародейка. Тогда Висенна обездвижила его и, извиняясь за то, что ей пришлось это сделать, села рядом и стала рассказывать истории об эльфах, с которыми, как оказалось, водила очень тесное знакомство, и о том, как они поступали в тех или иных ситуациях, и как терялись, столкнувшись с чем-то новым.

Гезрас не хотел больше её убивать, эту круглоухую чародейку.

У Гезраса было очень много знакомых, но практически не было друзей. Уж точно никто не ожидал бы застать этого головореза за оживлённой приятельской беседой.

Потому что с большинством живых существ было совершенно не о чем беседовать. Даже если они жили на свете несколько сотен лет.

Особенно если они жили на свете несколько сотен лет.

И уж точно он ни за что не рассказал бы никому о караване.

– Послушай, Висенна, – сказал он, когда они стояли на обочине, пропуская едущий мимо поезд телег с пивоварни, – ты ведь наверняка догадываешься, что в караване очень сильно не любят dh’oine и чародеек?

– Мне нравится, что ты сказал “догадываешься”, – Висенна фыркнула веселее обычного.

– Хорошо, – он пожал плечами, достал из седельной сумки непрозрачный кусок тряпки и завязал ей глаза.

В конце концов, даже несмотря на то, что он откровенно симпатизировал Висенне, а она, похоже, искренне хотела помочь, Гезрас не был идиотом.

Караван был придумкой ещё времён восстания. Гораздо сложнее попасть по движущейся цели – особенно если постоянно говорят под руку. Найти координаты было так же легко, как купить дури – через сеть информаторов, тесно связанную с войском Короля Нищих из Новиграда. Найти караван по этим координатам было уже сложнее, так как если о его местонахождении спрашивал недоброжелатель, то следом за ним тут же летело сообщение Котам – и они либо отправлялись совсем в другое место, либо вовсе бросались врассыпную.

Впрочем, бросаться обычно было некому. Гезрас понимал, что скорее всего, дни каравана сочтены. Никто уже не понимал, зачем им держаться вместе и нести эту вахту. Ещё меньше ведьмаки школы Кота, убийцы и мошенники, понимали, зачем Гезрас продолжает помогать эльфским партизанам, которых после подавления восстания Аэлирэнн стало только больше. Впрочем, воевать эти эльфы не могли и не хотели – они просто бежали из городов, откуда их изгоняли всё новыми и новыми указами, и не знали, что делать в этих обстоятельствах. Гезрас знал, что если кто и виновен в этом, то он и Аэлирэнн, и пытался помочь хоть как-то.

Необходимость воспитания новых ведьмаков Коты понимали чуть лучше, но, ожидаемо, мало кто из них приходил в восторг от роли учителя. Остатки эликсиров, смешанных ещё чародеем Расселом с десяток лет назад, давным-давно закончились, а без чародея юные адепты мёрли в процессе чаще, чем должны были. В конечном итоге, костяк каравана составляли сбежавшие из школ Волка и Грифона молодые ведьмаки.

Гезрас любил их и заботился, как мог, но всё равно они не были такими, как он. Они не были Котами. Каждый месяц Гезрас вливал в караван действительно огромные деньги, говорил с остальными Котами, оставался там, чтобы кого-то учить, – но этого всегда было недостаточно.

Он чувствовал – скоро караван должен был прекратить своё существование.

Если ему не удастся придумать что-то ещё.

____

Пленников в караван привозили редко, но это случалось. Это даже было относительно безопасно. В конце концов, шансы того, что пленник, оказавшийся в компании подростков с сверхчеловеческим слухом, зрением и рефлексами, покинет эту компанию живым, были минимальны.

Вышеупомянутая компания сейчас стояла, окружив Висенну, и абсолютно всеми повадками напоминала самых настоящих котов. Они крутили головами, принюхивались, вытягивали шеи – разве что лапами её пока не тронули, да и то, похоже, потому что Гезрас запретил.

На лицах пары ведьмаков постарше было меньше любопытства и куда больше осторожности.

Совсем другую гамму чувств испытывали и, не стесняясь, выражали стоявшие за их спинами эльфы.

– Почему твоя круглоухая пленница не связана? – спросил один из них громче остальных.

По лицу Висенны проскочила озорная искорка, будто она была совсем юной девочкой.

– А это потому, что я никакая не пленница. Меня зовут Висенна Хильдегард, я друид круга Майенны и я здесь, чтобы помочь.

Гезрас не успел ничего возразить; она уже летела в сторону эльфов, полная деловитой энергии. Ближе всех к ней стоял старый Ихендорн Иллайра.

Кто-то из Котов заулыбался. Гезрас просто наблюдал.

– Мне не нужна твоя помощь, Висенна Хильдегард, – сказал Ихендорн, выпячивая грудь.

Лицо его было будто высечено из камня. Поджарый, с иссечённым шрамами лицом и натруженными руками, Ихендорн напоминал древнюю статую эльфского воина. Глаза его были цвета стали и сам он был похож на нож, если бы нож мог быть в то же время и эльфом.

Висенна посмотрела ему в глаза очень цепко, не отрываясь.

– Ты жил в Лок Муинне, сражался за него, а потом перебрался в Вызиму, так? – сказала она, – а после восстания пришлось перебираться и из Вызимы.

Ихендорн с достоинством кивнул, ничем не выказав удивления.

Она прикоснулась к его плащу, от которого тут же пошло тепло и повалил пар, затем начала копаться в сумке.

– Тебе больше двухсот лет, – сказала она, продолжая копаться в сумке, – чего ты хочешь добиться этим, чтобы маршалу Рауппенэку несладко спалось в гробу? Всё это так же бесполезно, как арника, которую ты прикладываешь к своим суставам. Потому что знаешь, почему они болят? Почему всё это болит? Потому что твоё тело жрёт само себя изнутри. Твоя кровь жрёт твои же суставы.

– Фамилия Иллайра, – голос старого эльфа стал похож на треск ломающейся пополам палки, – древнейшая фамилия оружейников Лок Муинне. Учить меня не круглоухой девчонке, укравшей тайны Знающих и даже неспособной их понять.

– Святая Дева Полей, – Висенна закатила глаза, – больная мать и обосранные дети. Держи, эту микстуру пей каждый день перед сном. Там же снотворное, потому что знаю я, какой у вас сон. Или не пей. Если будешь пропускать приём, то перестанет работать.

Она передала пузырёк Ихендорну и отвернулась к стоящей рядом с ним девочке – у той на лице был отвратительный мокнущий ожог в оранжевых корках.

Старый эльф кипел от злости. Девочка расширенными от ужаса глазами косилась то на Висенну, с улыбкой приблизившуюся к ней, то на Ихендорна, напоминавшего теперь нож ещё сильнее, чем раньше.

Он взял пузырёк, зашвырнул далеко в кусты и встал перед остальными эльфами.

– Вы, великий Народ Холмов! Неужели вы примете какие-то лекарства от человечьей колдуньи? Неужели в вас не осталось ни капли достоинства? Она пришла к нам и кидает нам кость! О, какое милосердие! Наверное, она считает себя такой добродетельной! Но эта кость – наше же искусство! Наше искусство, которому мы научили её учителей, и за что получили нож в спину!

– Солнышко, постой смирно, пожалуйста, – Висенна, казалось, абсолютно игнорировала его, и держала окружённую жемчужным сиянием руку над ожогом, – да, да, очень щекотно, я знаю.

Девочка, до сих пор извивавшаяся, как уж на сковородке, и корчившая рожи от щекотки, наконец, захихикала. Ихендорн метнул в неё убийственный взгляд. Девочка замолчала было и попыталась вырваться. Висенна зашипела – заклинание прервалось и ожог сошёл только наполовину. Она обернулась к Ихендорну снова.

– Ты думаешь, твоя речь её вылечит?

– Пусть ты и говоришь на нашем языке, тебе не понять, о чём говорим мы, – ответил эльф.

– Может быть, – Висенна пожала плечами, – но это правда так же важно, как её жизнь? Видишь, какое воспаление? Ну? Честь и гордость твоего народа важнее жизни его детей?

– Её жизни ничего не угрожает, – он фыркнул и наградил девочку ещё одним взглядом, от которого той захотелось провалиться под землю.

– Мы оба знаем, что это неправда, – Висенна пожала плечами, – хорошо, сначала ты слушал Финдабаира Знающего, который даже после Лок Муинне умудрился заключить мир. Когда все начали слушать его дочь, – о, я вижу, ты кривишься, да, – ты всё ещё слушал Финдабаира Знающего. Потом это стало выглядеть, как “нас просто перережут” или “нас перережут с оружием в руках”, но было уже поздно.

– Поздно для чего? – голос Ихендорна изменился и теперь в нём была горькая усмешка, будто он объяснял прописные истины, – смерть не опаздывает и не спешит, смерть всегда приходит вовремя.

– Поздно для того, чтобы твоя гордость сейчас не выглядела простым беспомощным расизмом. И он, в этом я клянусь тебе Девой Полей, не будет иметь власти над тем будущим, что осталось у эльфов. Хочешь ты этого или нет.

– Круглоухая обезьяна! – крикнул из толпы кто-то помоложе.

Кто-то ещё подхватил, кто-то попробовал вступиться за Висенну. Рядом с девочкой возникло неприятное количество народу, начавшего теснить её от чародейки. Девочка, неожиданно для себя, вцепилась в руку Висенны. Та сжала её руку в ответ.

– Сейчас-сейчас, лапочка, – сказала она, – сейчас до него дойдёт.

– Заткнулись все!

Гезрас, как оказалось, обладал очень громким и очень хорошо поставленным голосом. Сейчас стало понятно – этот голос привык отдавать приказы, и приказы эти были крайне разнообразны. По тому, как был поставлен этот голос, и по тому, какое ледяное безумие пронизывало каждый зловеще растянутый звук, можно было предположить, что зачастую за приказом “говори” следовало “выдавите глаза”.

– Кажется мы начали забывать, – сказал он, доставая из-за пояса кинжал и водя острием от одного эльфа к другому, – почему собрались здесь. И зачем я занимаюсь

всем, чем занимаюсь. Так вот, напомню!

Эльфы и некоторые ведьмаки вздрогнули скорее от паузы, чем от крика, которым закончилась реплика. Гезрас остался доволен эффектом и продолжил.

– Мы собрались здесь, потому что очень, очень, просто потрясающе сильно любим делать одну вещь. Я думал, мы все, да сгорим мы в огненной бездне, любим жить. Жить! Не помирать за высокие идеалы или с именем любимой на губах, не вся вот эта плюшевая поебень. Я пробовал помирать, очень не понравилось. Жить, жить вы сюда пришли, жрать, спать, лечиться, драться, потом снова жрать, спать, лечиться и драться, и так по кругу. Потому что если ты не дерёшься, то жрать, спать и лечиться тебе не дадут, а если не жрёшь, не спишь и не лечишься, то не сможешь драться. Вот это и есть жизнь. Знаю, впечатляет не сильно. Если кому-то нравится смерть, то её я тоже могу устроить.

Ихендорн из рода Иллайра, потомственный оружейник эльфских королей, приблизился к Гезрасу без страха и посмотрел ему в глаза.

– Ты не убьёшь меня, Гезрас из Лейды, – сказал он.

Можно бы было предположить, что здесь Гезрас, кровавый адъютант Аэлирэнн, усмехнётся. Можно было предположить, что он хотя бы скажет что-то в духе “ты не поверишь” или “неужели?”.

Что сделал Гезрас, многие не поняли, пока тело Ихендорна из рода Иллайра, не упало навзничь, как пыльный мешок, клокоча кровью из разрезанного почти до кости горла. Движения, которым Ихендорн был убит, не смог уловить никто, кроме ведьмаков.

Просто в одну секунду Ихендорн стоял перед ним, уверенно глядя в звериные ведьмачьи глаза.

И в ту же секунду Ихендорна уже не было.

Даже не в следующую.
– Ага, – сказал Гезрас, вытирая нож, – так я и думал. Мы все любим жить. А ещё больше мы любим, когда живут дети.

Оседлая эльфка, только что стоявшая рядом с Ихендорном, а теперь забрызганная его кровью, вдруг согнулась пополам и вывернула наружу содержимое своего желудка.

– Знаете, что? – Гезрас неожиданно зарычал, – да пошли вы в жопу. И правда, больная мать и обосранные дети.

От опавших листьев пахло плесенью, влагой и разложением, и где-то близ ручейка, бегущего через заросли папоротников и уже проклюнувшихся через листву диких цикламенов, шуршала под листьями какая-то мелкая тварь.

Всё это должно было настраивать на мирный лад или хотя бы приводить в равновесие, только вот слух Гезраса постоянно улавливал какие-то звуки, почти болезненно выпадающие из общего ритма. Мелкая тварь у ручья таки шуршала, и шуршала неравномерно. Время от времени шум ветра в ветвях нарушала вспорхнувшая птица. Вот ветка, застрявшая чуть выше по течению, наконец рухнула в ручей, выпустив за собой целый водопад и нарушив равномерность звука.

На моменте, когда к нему подошла Висенна, мягко ступая по прошлогодней листве, он уже совершенно потерял терпение, вскочил со своего места и с рёвом швырнул в ручей камень.

Да, она могла истрактовать это, как истеричное требование внимания, но ему было плевать.

– Сказка про ворону и гнездо, – сказал он со всей возможной злостью, – всё это сказка про ворону и гнездо.

Висенна села на листья, отчего стала казаться ещё меньше, чем была. Гезрас был вынужден сесть рядом – он не мог выносить длины и угловатости собственного уродливого тела, в то время, как она стала ещё больше похожа на шарик.

– Которая из них? – спросила Висенна.

– Эльфская. Жила-была ворона, решила она построить гнездо. Все вороны строили гнёзда на деревьях, а она посмотрела на орла. Забралась на высокую гору, да начала таскать туда ветки. Притащит пяток веток, глядит – а предыдущих как не бывало. Притащит десять веток – а их тоже нет. Подумала ворона, что это орёл у неё ветки ворует, пришла к нему. Орёл над ней посмеялся, да говорит, пойдём, ворона, посмотрим, кто ветки твои ворует. Положила ворона снова ветки, спрятались они с орлом за камень, чтобы вора поймать. Глядят – а ветки ветер рассыпает.

– Хорошая сказка. Жизненная.

Они сидели в молчании, прислушиваясь к звукам леса. На этот раз у Гезраса не получилось уйти в медитацию, потому что под одеждой всё время что-то чесалось – то грудь, то нога, то задница.

– Ты рассказываешь её детям?

Он открыл глаза.

– Что?

– Эту сказку. Ты рассказываешь детям?

– Не знаю. Иногда, – он пожал плечами, – обычно я рассказываю им, где у человека находится продолговатый мозг. Самый быстрый способ убить, если хочешь убить точно. Они должны учиться убивать хорошо, знаешь ли. Ну, и сказки им тоже нужны.

– Рассел знает, наверное, тысячу сказок, – сказала Висенна, – как ты вообще умудрился поссориться с Расселом?

Гезрас отвернулся от неё, как звери отворачиваются, показывая, что не хотят обострения конфликта, но не могут и уступить. Какое-то время он помолчал, потом цыкнул рассечённой шрамом губой, обнажив зуб.

– Он очень хорошо знал, как именно мне стоит вести дела.

– Положа руку на сердце, Гезрас, думаю, ты не согласился бы привезти меня сюда, если бы тебе не нужен был совет.

– Рассел был очень…добр, – Гезрас демонстративно долго подбирал слово, – “Почему ты убил эту семью так жестоко, Гезрас?”, “Почему ты заставил солтыса сожрать собственный язык?”, “Зачем было вырезать всю деревню?”. И ещё он прекрасно знал, каким мне нужно быть мудрым, терпеливым и взвешенным.

– А почему ты заставил солтыса сожрать свой собственный язык? – спросила Висенна, и лицо её при этом не выражало ничего, кроме любопытства.

– Я не помню, – Гезрас закатил глаза, – я вообще для примера сказал. Суть не…

– Я для примера спросила, – Висенна пожала плечами, – если ты заставляешь солтыса сожрать собственный язык, чтобы это все увидели, то обычно уж запомнишь причину, потому что о том, что люди увидят и зачем, нужно думать. А если заставляешь солтыса сожрать собственный язык просто так, то…

– То ты не мудрый, не терпеливый и не взвешенный, да-да, – он начинал терять терпение, – да, я такой. Я грёбаная ворона с гнездом, и моё гнездо всё время развеивает ветер, и раздалбывают птенцы, и ветки из него действительно пиздят, и эльфы всё время смотрят с этим осуждением, потому что я виноват в том, что мы все сейчас на этой грёбаной, всеми чертями проклятой скале. И я виноват, да. Я виноват в том, что на протяжение пяти лет только и делал, что вырезал солтысам языки, пока эльфы кричали “ура” на успехи Аэлирэнн и думали, поддержать нас или нет, сидя в своих городах, или мы всё же облажаемся. Они, в большинстве своём, не воевали ни дня. Сколько они говорят, было убито эльфов? Около сотни тысяч? Они умерли не на войне, Висенна. Они умерли во время чисток, когда их погнали из городов ещё в начале мятежа. Они даже не брали оружие в руки, даже после Лок Муинне думали, что до них не дойдёт.

– Удивительная смена полемики с “людей в море”, – Висенна улыбнулась.

Гезрас махнул рукой и достал из-за пазухи фантик с белым порошком, рассыпал по тыльной стороне руки и снюхнул.

– К чёрту, – сказал он, шмыгая носом, – к хренам собачьим пусть катятся. Всех, нахуй, в море, и людей, и эльфов, и краснолюдов, и всё, что ещё под этим солнцем дышит. Даже крысу эту грёбаную, как же она меня задолбала!..

Метко брошенный нож пролетел через усыпанную прошлогодними листьями поляну и вонзился в водяную крысу, шуршавшую у ручья. Животное умерло бесшумно.

Он сидел, глубоко и спокойно дыша, прикрыв глаза и расправив не скованные больше напряжением плечи. Висенна вздохнула.

– Почему ты-то воевал?

– Коты, – просто ответил он, – никто не верит, но я просто хотел, чтобы они… Понимаешь, ведьмачьи крепости – это ужасно. Стигга… Мне кажется, они просто посадили горстку каких-то бездельников, которые пальцем в жопе ковырялись, ставили эксперименты. Даже Моргрейг был дерьмом, и все эти Грифьи и Волчьи логова, всё это жуткое дерьмо, но я могу хоть как-то понять цель. В Стигге было не так. Каждый ведьмак хочет, чтобы эти цитадели были разрушены, потому что это место, где из свободной личности тебя делают инструментом, механизмом, полузверем – только чтобы ты служил.

– И ты хочешь, чтобы они могли прийти к тебе и не служить никому, кроме себя.

Он благодарно посмотрел на неё и с облегчением кивнул.

– Коты гуляют сами по себе, хм?

– Вроде того.

Висенна улыбнулась и встала с земли, где они оба сидели.

– Это хорошо, – сказала она, – но сначала у нас есть дело, Гезрас. Сначала нам нужно похоронить Ихендорна Иллайру.

Ренисса Маггвин выросла в Вызиме, в семье ювелира. Отец её, Ауброн Маггвин, всегда поддерживал консерваторов, несмотря на то, что жил среди dh'oine и, как правило, заказы выполнял тоже для них. Что означало слово “консерваторы” Ренисса до поры до времени подозревала смутно, да и не особенно интересовалась – куда больше её увлекали выходцы из богатых мещанских семей, с готовностью принимавшие её в свой круг и называвшие Реной.

Сейчас Рена с тоской вспоминала семейные ужины, которые их единственный слуга Кастиен подавал на серебре, и то, как гневно дрожали красивые тонкие губы отца, когда он отчитывал её за общение с dh'oine и пренебрежение культурой aen seidhe. Он заботился о том, чтобы у дочери с детства были эльфские учителя по истории, магии и философии. Дома говорили только на Старшей Речи и соблюдали традиции – насколько их возможно было соблюдать в ставшем людским городе.

Они бежали из Вызимы до того, как начались чистки, приняв предложение дяди отца – тот жил в Холмах. До Холмов они доехали, но приём получили очень холодный –

оказалось, что есть Aen Seidhe и есть aen seidhe – и на тех, кто жил среди dh'oine и работал на них же, смотрели свысока и с большим подозрением.

Ренисса, богатая и избалованная эльфская девушка, которой в ту пору было двадцать лет, ничего тогда ещё толком не понимала и, когда они покинули Ррамддивин, город в Холмах, куда не ступала нога dh'oine, вздохнула с облегчением. Жизнь в нём показалась ей жуткой, неприветливой и какой-то замшелой, приросшей корнями к лесу, среди которого город был расположен.

Потом была череда городов, ни в одном из которых у них не выходило устроиться, жуткое столкновение с мятежниками, побег с dh'oine в Новиград и работа в Тенях. На удивление, не проституткой – это Рена понимала уже сейчас, постфактум, как ей тогда повезло попасть в алхимическую лабораторию, которая варила наркотики, и оттуда – к Гезрасу из Лейды.

В любом случае, за тот год Ренисса Маггвин узнала о жизни больше, чем за двадцать лет до того. Сейчас ей было тридцать – эльфские девушки из её юности в эту пору считались ещё детьми.

В караване Гезраса даже шестилетки, казалось, знали о жизни больше её отца, и вели себя взрослее.

“Какая ирония, – подумала она, – какая ирония, что именно я участвую в этом ритуале.”

Она была самой молодой из всех эльфских девушек и по традиции именно она должна была отдавать Ихендорна Деве Полей. Никто из dh'oine не видел настоящего ритуала погребения, как и города Ррамддивин. Сама Рена тоже его не видела – откуда бы, если в настоящем эльфском городе она пробыла всего пару месяцев?

Да, эльфские учителя из детства рассказывали об этом и она читала в книгах.

Да, она знала, что этот ритуал имеет огромное количество значений и связан, в первую очередь, с Большим Кругом, по которому движется всё живое, что есть само себе начало и конец, жизнь и смерть.

Несмотря на то, что она всё это знала, ритуал казался Рене абсолютно жутким и отвратительным. Наверное, это означало, что она уже dh'oine в душе. Интересно, сколько из эльфов, кто собрался здесь, думали так же, как и она?

Всеми этими мыслями Рена задавалась, держа наколдованный человечьей друидкой Висенной Хильдегард расписной ковчег, в котором покоились внутренности Ихендорна Иллайры. Следом за ней шли двое эльфов с маленькими (тоже наколдованными) лопатами, и двигались они к самому большому дереву в округе.

Перед этой частью церемонии, Нисхождением, Dysginiad, они омыли тело Ихендорна отварами девяти трав, после чего рассекли ритуальными ножами. Внутренности следовало отдать корням дерева, вернув земле, лёгкие и печень – птицам, чтобы унесли их в небо, ноги и руки – зверям, чтобы те несли их по лесам. Грудная клетка и сердце

принадлежали самой Деве Полей, и оставлять их следовало, закопав на лугу. Наконец, голова предназначалась Лососю Мудрости и её следовало поместить в ручей, вместе с кровью.

Висенна знала все эти вещи и возглавила подготовку к ритуалу. Она сотворила для них белые одежды и ритуальные ножи, расписные ковчеги, покрытые лаком, и сейчас все они, молодые и старые, шли, распевая песни на старинном языке. Те, кто был помладше, не думали, что когда-нибудь споют их. Те, кто был постарше, не думали, что увидят, как их поёт молодёжь.

Две серебряные лопаты бережно раскрыли Чрево Земли и Рена, опустившись на колени перед ковчегом, открыла его и достала обёрнутые в сплетённую из ивовых ветвей циновку внутренности. В эту секунду она поняла, что больше не боится их, а гораздо больше боится забыть слова нужной песни, сфальшивить, или, того хуже, не удержать свёрток в руках.

Она удержала. И не сфальшивила.

Руки, отсечённые от тела, ноги, голова – все эти части вместе ещё были Ихендорном, но по отдельности уже переставали им быть. Ихендорн физический снова растворялся в Природе, чтобы стать частью волка, орла, дерева и лосося, чтобы стать травой и червём, чтобы отдать всё то, что брал на протяжение своей жизни.

Это не было чудовищно и уродливо, как сказали бы dh'oine.

Это было справедливо.

Это был Великий Круг.

Первый раз в жизни, в хмурый декабрьский день где-то близ границы с Нильфгаардом, Ренисса Маггвин действительно ощутила себя aen seidhe.

Они собирали фаргрейг (y graig fawr) без помощи магии, потому что такова была традиция. В основании кургана должны были лежать все земные достижения успошего – или их олицетворения. Пришлось хорошенько подумать, чего же покойный Ихендорн достиг за свои пятьсот с лишним лет – как оказалось, очень немалого.

Кроме того, пришлось следить за котятами – так в караване называли детей, – чтобы те не ломали камни знаком Аард. Котята протестовали, пока Гезрас на них не прикрикнул, но красотой ритуала, ради которого нужно было махать кирками, не прониклись.

Гезрас был удивлён. Эльфы не были злы на него за убийство Ихендорна – скорее боялись и не знали, что будет дальше. Беженцы, когда-то весьма обеспеченные и уважаемые горожане, они уже несколько лет жили на бегу, вынужденные участвовать в операциях школы Кота. Кто-то присоединялся к мятежникам в лесах, но таких было немного. Кто-то пытался уходить в Холмы, но далеко не каждый был готов променять

свою теперешнюю, полную неопределённости и жути жизнь на унижения и расизм эльфов из Холмов.

Большинство из побывавших в Ррамддивине и других эльфских городах сравнивали свой статус там со статусом вшивой собаки на улицах Новиграда и Вызимы.

Висенна была права – он должен был, наконец, дать им ответ. Он должен был сказать, что дальше.

Процессия в белых одеждах, совершившая ритуал Dysginiad, сидела за сооружёнными из ветвей боярышника воротцами, не смея войти на ту половину поляны, где высился сложенный из камней фаргрейг и была разложена на земле еда. Они могли войти только после того, как свершится ритуал Esgyniad, Восхождения, в конце которого Ихендорн передаст последнюю пищу Кругу Жизни, и только деяния его останутся среди эльфов, в то время, как тело растворится в жизнях самых разнообразных существ.

Глаза Гезраса из Лейды бегали от одного эльфа к другому. Голые ветви боярышника. Белое пасмурное небо. Из леса пахнет талым снегом. Девушка и парень перед ним в венках из цветов морозника. Такой же венок и на его голове – влажные стебли и лепестки холодят кожу через жёсткие рыжие волосы. Непривычная, совершенно не стабильная конструкция.

“Они смотрят, они слушают, они ждут,” – прыгает куницей мысль.

“Я виновен в том, что каждый из них здесь,” – другая перегрызает ей горло, как лиса.

“Какие слова, какие слова, какие же слова…” – бормочет на заднем плане третья, будто говорливый весенний ручей.

– Aiya, seidhe! – громко говорит он, – сегодня тот, кого называли Ихендорн Иллайра, мастер оружейник Лок Муинне, перешёл за грань, снизошёл в мир, отдал себя ему и теперь восходит в нашу память. Пусть те, кто помог ему вернуть себя Ворону и Волку, Лососю Мудрости и Великому Древу, Деве Полей и Реке Жизни, возьмут последний дар Ихендорна Иллайры за свои труды.

Девушка и парень в венках взяли кусок жареного мяса и мешок сушёных яблок (свежих в лесу зимой не нашлось) и передали каждому, кто входил в ворота из боярышника.

“Партия фисштеха будет у Кривого в Цинтре через три недели,” – навязчиво звенит мысль, будто комар.

“Ты думаешь об этих делах, когда тебе нужно не облажаться здесь?”

“Дурацкий венок сейчас рассыплется.”

“Как я там придумывал, что надо сказать? Про прошлое и настоящее. Прошлое и настоящее.”

– Когда Ихендорн Иллайра жил среди нас, он был славным мастером и эльфы низко склоняли головы перед его мастерством. Он жил среди краснолюдов и принёс из Махакама немало секретов, которые помогли властителю Гарринону разбить их и принести народу эльфов земли и процветания. Ихендорн Иллайра выковал меч Рриддаур, освободитель, и слава этого меча, который до сих пор передаётся по наследству в Синих Горах, до сих пор гремит, и будет греметь тысячелетиями.

Он вспоминал всё, что рассказали ему эльфы, собравшиеся в лагере, и это отвлекало от других мыслей. Они смотрели, и они слушали, и они кивали головами, и в глазах их горела гордость оттого, что Ихендорн Иллайра был действительно великим оружейником. Сейчас не осталось больше вздорного старика-расиста, цеплявшегося за традиции – он казался фигурой почти легендарной, никак не связанной с тем телом, что сейчас уже растворялось в вечном цикле жизни и смерти.

В горле пересохло – кто-то подал ему воды из ручья. Чёртов венок из морозника всё-таки расплёлся и девушка быстро надела на него новый. Смертельно чесалась нога и грудь.

Наконец, он подошёл к концу укороченной версии похождений Ихендорна – более подробную должны были рассказывать за пиршественным столом. Эльфы сидели на земле, рядом с горами еды, но в глазах их не было голода. С тем же успехом перед ними вовсе могло не быть сочащейся жиром аппетитной кабанятины и крольчатины, или кувшинов с мёдом, или той скудной зелени, что можно было найти в лесу бесснежной зимой.

Он заканчивал говорить о прошлом, которое заставляло их гордиться, и теперь они смотрели. Они слушали. Они ждали.

– Так же, как лань вольна скакать туда, куда пожелает и молодой волк волен искать новые места для охоты, эльф всегда найдёт свой путь, ибо знает эльф, как брать у мира пропитание и давать взамен, – сказал Гезрас, – так было и будет до скончания веков. То, чем был Ихендорн Иллайра, остаётся в прошлом, а его мудрость ведёт каждого из тех, кто знал его, в будущее. Вот последняя мудрость, что оставил нам Ихендорн – эльф не может быть несвободен, как не может быть несвободна вода в реке. Ничто не должно удерживать эльфа – ни властитель, ни стереотипы, ни чьи-то указания. Эльф свободен так, как свободны волк и ворон, свободен так же, как лосось и река, и в конце концов точно так же, как и они, растворится в Великом Круге, когда придёт его время.

“Они перемешаются с людьми и это и есть растворение,” – подумал Гезрас.

В вышине, на дереве, закаркала ворона.

“Они понимают.”
Снова что-то пробирается под травой. Нет, что-то пробирается под кожей.

“Они не понимают.”

Очень сильно пахнет жареным мясом, но они смотрят, потому что они услышали и теперь пытаются понять.

“В этой мысли есть величие, это и есть то, про что этот ритуал.”

Цветы морозника холодят покрывшийся испариной лоб. Очень хочется дышать.

“Некоторые из них уйдут. Им некуда идти. Я виноват.”

“Пусть их уходят.”

– Aiya seidhe! Aiya Yllaira! Aiya Dana Meadbh! – крикнул Лиссантир, ближайший друг покойного Иллайры.

Гезрас с облегчением вздохнул. Будь что будет.

Он шёл прочь от фаргрейга, одновременно глядя эльфам в глаза и избегая их взглядов.

– Aiya Gezras! – послышался крик.

Он обернулся, будто позвоночник его разом пронзила тысяча серебряных иголочек.

– Aiya Gezras! – теперь Рена Маггвин крикнула увереннее и её поддержали.

Скоро почти вся поляна кричала его имя.

Рена Маггвин. Богатая эльфская дочка, до смерти перепуганная и питавшаяся одной лежалой картошкой на момент, когда они встретились в Новиграде. Гезрас помнил её.

Рена Маггвин. Кто бы мог подумать?

____

Кибитки грохотали по дороге, подлатанные и смазанные, а солнце сегодня даже пригревало. Гезрас ехал на лошади на небольшом отдалении от последней повозки и жмурился от солнечных лучей, бивших прямо в глаза. На крыше повозки сидели дети и увлечённо резались в карты, впереди кто-то пел задорную эльфскую песню. Вся эта процессия неизменно напоминала ему цирк – парад уродов и презираемых обществом калек. Бородатые женщины, шпагоглотатели, акробаты – всё это было очень похоже на публику, собравшуюся в караване.

А он, стало быть, был директором этого цирка.

Гезрас улыбнулся.

– Если ты думаешь, что у меня есть хоть одна чёртова идея, что делать дальше, то я понятия не имею, – сказал он.

Висенна пожала плечами.

– Бабушка рассказывала, что в том мире, откуда пришли люди, давным-давно жил человек, который сказал “делай то, что ты можешь, с тем, что имеешь, там, где ты есть”.

– Тоже мне, мудрость, – он криво усмехнулся.

– А другой говорил “если идёшь через ад – просто продолжай идти”.

– Этот мне нравится куда больше.

– Я так и думала, что тебе понравится.

Они проехали ещё немного в молчании. Здесь, на юге, совсем не верилось, что где-то сейчас метель и непролазные сугробы. Всю свою жизнь Гезрас занимался именно этим – шёл через ад. Из ада он восставал уже два раза – первый раз, выйдя из замка Стигга живым, второй – после восстания Аэлирэнн.

И, похоже, он немного лукавил. Идеи на самом деле роились в его голове, выплывали из небытия одна за одной. Эльфы отправятся в людские города, один за другим. Каждому найдётся работа – да, не самая чистая и честная на свете, но прибыльная. Что-то подсказывало ему, что большинство из них не будет сильно беспокоиться об этической составляющей вопроса – в конце концов, торговля фисштехом и оружием вредила dh’oine и тот факт, что одним из воротил этого бизнеса был пусть даже и полуэльф с глубоким уважением к эльфской культуре, очень сильно поднимал национальное самосознание.

Но что делать с Котами, Гезрас и правда понятия не имел. Вожак котячьего выводка был человеком и, более того, не проходил Испытание Травами. Гезраса в своё время впечатлило то, как он отравил свою первую жертву в возрасте восьми лет.

– Ух, – Висенна поморщилась, – снова перескочил. И эти воспоминания постоянно, и боль…

Несколько секунд потребовалось ему, чтобы понять, что именно она говорит. Тогда он резко натянул повод лошади, отчего та нервно затрясла головой и остановилась, и уставился на чародейку.

– Ты читаешь мои мысли? – прошипел Гезрас.

Висенна пожала плечами.

– Просто скажи, что если бы ты умел, то не делал бы то же самое.

Он шумно выдохнул через нос.

– Так и думала. У тебя даже язык не повернётся такое сказать.

– И как тебе в моих мыслях?

Она задумалась, формулируя ответ.

– Ты думаешь очень быстро, – наконец, сказала Висенна, – как вспышки молнии. И всё одновременно. Это потрясающе красиво.

– Что ж, спасибо.

– Нет, ты не понимаешь. Я тоже вижу мир немного иначе. Например, вот эта птица на дереве кричит, и голос у неё бледно-зелёный, а у копыт, чвякающих по грязи, звук тёмно-голубой с примесью серого. И я смазывала сегодня с утра колёса, потому что звук от скрипа такой красный, что режет мне слух. Понимаешь? А твои мысли – они как поле цветов, и как море, и как лесной пожар одновременно.

– Да-да, в Стигге меня тоже очень любили, – пробурчал Гезрас, будто терял терпение, и пустил лошадь вперёд, – потом разрезали мне брюхо заживо.

Висенна замолчала на полуслове. Птица, голос у которой был бледно-зелёный, продолжала свои трели. Колёса катились по земле, копыта чвякали.

– Прости, – сказала она, – я сделаю всё, что смогу.

– Да-да, с тем, что имеешь, там, где ты есть. Главное не увлекаться починкой. Кое-кто уже пытался меня починить изнутри.

Какое-то время они ехали дальше молча. Котята бросили карты и начали скакать с телеги на телегу, занимаясь вечной игрой любых детей, прошедших тренировки по акробатике. Дорога сделала плавный поворот и теперь телега полностью закрывала солнце – теперь тень неприятно холодила лицо. Гезрас закрыл глаза.

– Девять жизней, – сказал он, – знаешь, когда мы ещё проводили Испытания Травами, когда Рассел был здесь, первое, что я говорил детишкам, это что я забрал у них жизнь и дал девять взамен.

Она промолчала в ответ. Это был хороший знак и поэтому он улыбнулся. Она не стала говорить всяких очевидных пошлостей и просто слушала. Возможно, потому что уже знала ответ, прочитав его в мыслях – это осознание всё ещё коробило, но опять-таки, Висенна была права. Гезрас многое бы отдал ради того, чтобы уметь читать чужие мысли.

– Жизни нельзя прожить по очереди. Мы живём их все одновременно, – продолжил он, наконец, – все девять жизней одновременно. Думаю, это ты и видишь.

Она кивнула и сглотнула комок в горле.

– Висенна?

– Да?

– Ты когда-нибудь читала мысли у кошки? У настоящей, я имею в виду. Это вообще возможно?

– Они не такие, – она покачала головой, – не так, будто девять жизней одновременно. Но немножко такие всё-таки. Они из запаха крови и ещё миллионов разных запахов, что мы не можем почувствовать, и из едва уловимых движений ветра, и из ощущения земли под подушечками лап. Из азарта и маленьких импульсов, которые заставляют забыть обо всём и бежать, или играть, или вцепляться в горло. У кошки есть только сейчас, она не знает вчера или завтра. Только сейчас.

– Красиво. Как молнии.

– Да. Как молнии.

– Может, кошка умнее меня, – Гезрас грустно улыбнулся, – раз у кошки есть только сейчас. Но кто он был, тот человек, что сказал фразу про ад?

Висенна покосилась на него – не ожидала, что он вернётся к этой небольшой детали.

– Правитель страны, – наконец, ответила она, – я не помню, это было очень давно, бабушка рассказывала мне в детстве, а это…очень-очень сгладилось за три сотни лет, как ты понимаешь. Но его страна воевала и ему было очень тяжело успокаивать людей.

– Он был король?

– Нет. Точно не король. В тех землях, откуда пришли люди, давным-давно, там не было королей. Люди выбирали себе правителей, и те правили короткое время, а потом уходили.

– Странная система.

– Может быть. Я люблю странные системы.

– Пожалуй, я тоже.

Почему-то Гезрас был рад, что правитель той страны не был королём. Он недолюбливал королей, но фраза была слишком хороша.

Если идёшь через ад – просто продолжай идти.

Он не знал, куда идёт, и просто продирался через бурелом и топи, и регулярно приходил в ужас от того, что за ним кто-то следует. По сути, альтернативы и не было – невозможно повернуть назад, когда кто-то подпирает тебя сзади.

Дети прыгали с телеги на телегу. Эльфы прекратили петь. В одной из повозок раскудахталсь в своей клетушке курица. Они тоже не знали, куда идут, никто из них не знал – но по крайней мере, они были свободны. Они гуляли сами по себе.

– Это не приходит сразу, – Висенна покачала головой, – может, даже не к нам. Мне кажется, нужно вырасти свободным, чтобы понять, куда идти на самом деле. И чтобы успели умереть те, кто не сможет к этому адаптироваться.

– Ты хочешь сказать, что то, что я пытаюсь сделать здесь – это важное дело?

– Это чертовски важное дело. И чертовски странная система.

– Спасибо, Висенна. Спасибо за то, что ты для нас сделала.

Она улыбнулась и будто бы смущённо посмотрела в гриву лошади.

– Не за что, – Висенна отбросила с лица мягкую прядь волос, – но взамен можешь пообещать мне одну вещь?

– Не могу сказать, что не ожидал, что к этому придёт…

– Обещай мне, что когда я во второй раз поговорю с Расселом и он вернётся сюда, ты постараешься держать себя в руках?

Гезрас фыркнул и очень широко улыбнулся, отчего лицо его стало казаться ужасно некрасивым.

– Обещаю.

End Notes

Наша команда не принимает участия в голосовании, но будет рада получить ваши кудосы и отзывы!

Please drop by the Archive and comment to let the creator know if you enjoyed their work!